

Е.В. Захаров

г. Курган

ЗАПАХИ-ОБМАНЫ В МИРЕ-ОБМАНЕ МАЛОЙ ПРОЗЫ ДАНИИЛА ХАРМСА

Ольфакторная картина мира индивидуальна для каждого автора и упоминаемые в тексте запахи могут многое рассказать об изображаемом мире. Попробуем взглянуть на мир прозы Хармса, который предстает то миром «недочеловеков» и грубых неодушевленных вещей, то миром ирреальным, фантомным, через призму ароматической картины мира.

Мы будем опираться на опыт Н.С. Павловой, которая в своей работе «Лексика с семой “запах” в языке, речи и тексте» рассматривает регулярно повторяющиеся типовые характеристики запаха. В частности, гедонистическую оценку (приятный - неприятный), воздействие запаха на человека (резкий, удушливый) и сравнение с запахом-ориентиром (запах грибов, запах хвои; цветочный, медовый аромат). Их частотность

использования, по мнению исследователя, утверждает их значимость для носителя русского языка и культуры (4). Так, исследователь особо выделяет четыре наиболее частотных в русском языке «характеристики запаха»:

1) «оценка запаха», выражающая значение положительной или отрицательной оценки, то есть изначально оппозитивная;

2) «интенсивность запаха», которая также имеет двустороннюю направленность и призвана конкретизировать запах;

3) «воздействие запаха на человека» (одуряющий);

4) «качество запаха» [4, с.12] - характеристика, наиболее ярко выражающая национальную специфику ольфакторного восприятия [4, с.14].

В малой прозе Д. Хармса «характеристика запаха» как «прямая оценка» достаточно редка. Обычно это крайние проявления оппозиции: либо «восхитительно пахнут», либо «вонь».

Соответственно представлена и «интенсивность запаха» - исключительно яркими мазками («пахучий»).

«Воздействие запаха на человека» в малой прозе Д. Хармса практически отсутствует.

«Качество запаха»: в малой прозе Д. Хармса отсутствуют высказывания, в которых запах объекта сопоставлялся бы с общеизвестным, принятым в русской культурной традиции обонятельным образом, запахом-ориентиром, например, таким как земляничный или грибной аромат.

Из универсальных запахов-ориентиров, освоенных Д. Хармсом, можно выделить только два: запах жженных перьев и запах сыра. При этом оба случая носят специфический характер, то есть являются несвойственными для источающих их предметов.

Отсутствуют «Характеристики запаха», заимствованные из других перцептивных сфер: вкуса (например, сладковатый, сладкий) и осязания (например, тонкий, острый, легкий, тяжелый запах). Что в сочетании с предельной бедностью изображения вкусовой и тактильной сфер в прозе Хармса создает ощущение фантомности наблюдаемого мира.

Ароматы в малой прозе Д. Хармса обретают определенность, а вместе с ней и символическое значение в трех случаях:

1. При повествовании от первого лица в словах рассказчика изредка появляются более определенные сенсорные характеристики ароматов.

Так, в рассказе «Меня зовут капуцином» рассказчик высказывает идею о том, что детей надо уничтожать: «Для этого я бы устроил в городе центральную яму и бросал бы туда детей. А что бы из ямы не шла вонь разложения, ее можно каждую неделю заливать известью» [2, с.199].

«Вонь» становится определением всего рассказа и символом прогнившей, отвратительной душонки рассказчика.

2. В момент появления чуда, сопровождающего переход персонажа из земного в «иной» мир:

«Молодой человек улыбнулся, поднял руку в желтой перчатке, помахал ею над головой и вдруг исчез.

Сторож понюхал воздух. В воздухе пахло жжеными перьями» («Молодой человек, удививший сторожа» [2, с.320]).

В рассказе «Сундук» человек с тонкой шеей залез в сундук с целью выяснить, что сильнее – жизнь или смерть: «Посмотрим: кто кого? Только вот ужасно пахнет нафталином» [2, с.314]. История разрешается фантастическим образом: сундук исчезает, а человек видит себя на полу в окружении выброшенных из сундука вещей. Умер или нет человек с тонкой шеей – остается загадкой.

3. В случае, когда запах не соответствует предмету, «чужой» запах: «По цене доступна была колбаса, красного цвета, с темно-серыми точками. Но колбаса эта пахла почему-то сыром, и даже сам приказчик сказал, что покупать ее не советует» [2, с.168]. Доступная по цене, но с сомнительным цветом и запахом колбаса является символом ужасающего финансового и социального положения персонажа в дурном алогичном мире в рассказе «Один человек, не желая более питаться сушеным горошком».

Заметим, что в целом порог восприятия ароматов значительно снижен. Отмечаются только очень сильные и яркие, но лишённые специфических черт запахи. Чаще всего встречается формулировка «сильный запах», которая не несет в себе ни этической, ни эмоциональной, ни эстетической оценки.

В отношении к картине ароматов Д. Хармс часто использует «минус-прием». То есть он не фиксирует запахи там, где подразумевается их существование:

«- Да, - сказал Алексеев и опустил перед ведром (помойным) на корточки. Давясь от отвращения, он съел всю кашу и выскреб ложкой и пальцами дно ведра» [2, с.209].

Упоминание об ароматах, носящих эротическую (иногда на грани с порнографической) окраску, стало в какой-то мере визитной карточкой малой прозы Д. Хармса. Практически всегда это запах женщины: «Я, говорит, люблю, что бы от женщины женщиной пахло» [2, с.77]. Этот запах лишен какой-либо вкусовой определенности (Д. Хармс предоставляет читателю право самостоятельно подобрать эквивалентный аромат), но обладает огромной эмоциональной нагрузкой:

«- Ва-ва-ва! Где баба, которая сидела вот тут, на этом кресле?

- Почему вы знаете, что тут сидела баба?

- Знаю, потому что от кресла пахнет бабой (нюхает кресло).

- Тут сидела молодая дама, а теперь она ушла в свою комнату, перебирать гардероб» [2, с.144].

В рассказе «О том, как рассыпался один человек» герой также высказывает свое представление о женской красоте и упоминает обязательный в подобном случае аромат женщины:

«- Говорят, все хорошие бабы – толстозадые. Эх, люблю грудастых баб, мне нравится, как от них пахнет, - сказав это, он стал увеличиваться в росте и, достигнув потолка, рассыпался на тысячу маленьких шариков» [2, с.144].

Ж.-Ф. Жаккар, анализируя данный рассказ, утверждает, что его финал: «А солнце продолжало светить по прежнему, и пышные дамы продолжали по прежнему восхитительно пахнуть» [2, с.144] оставляет нас наедине с застывшим миром, с миром, который в действительности не существует, в котором нет эротических желаний [3, с.161].

Д.В. Токарев же считает, что в данном рассказе поднимается совершенно иной вопрос: «Терпит крах лишь мужское желание, женская же сексуальность остается нетронутой (дамы продолжают пахнуть), и именно она и приводит к стабилизации, “окаменению”» мира [5, с.52].

Заметим, что оба исследователя в первую очередь обращают внимание на «окаменелость» мира, вызванную женской витальностью, которая озвучена как способность пышных дам «восхитительно пахнуть».

По нашему мнению, смена запахов является осью, на которой держится весь рассказ. Именно она разделяет его на три части. В первой части герой высказывает раблезианскую точку зрения на женщин и их запах, который обладает лишь эмоциональной оценкой. Эта часть заканчивается фантастическим событием – герой рассыпается на тысячу шариков.

Вторая часть: «Пришел дворник Пантелей, собрал эти шарики на совок, на который он собирал обычно лошадиный навоз, и унес эти шарики куда-то на задний двор» [2, с.144]. В ней грубый вещный мир заявляет о себе навозным запахом, который напрямую не назван, но, неотделимый от образа совка для сбора лошадиного навоза, мгновенно рождается в сознании читателя.

В третьей части вновь возвращается лучезарная жизнерадостная картина мира, основным критерием которой является «восхитительный» запах.

Таким образом, ароматическая картина мира воссоздает тройственную картину мироздания в том варианте, который изложен Д. Хармсом в квазитрактате «1. О Существовании...»: «25. Рай – “это”, Мир – “препятствие”, Рай – “то”» [1, с.37].

Н.С. Павлова в своей работе заметила: «Запахи в русской языковой картине мира выполняют знаковую функцию, которая заключается в сообщении культурно-фоновой информации. Перцептивная память, с одной стороны, и способность к ассоциативному мышлению, с другой, позволяют человеку связывать в сознании запахи лекарств с болезнью, запахи разложения – со смертью, запахи трав и цветов – с летом и т.п., а также определять “новые” запахи посредством сопоставления с уже известными» [4, с.15].

Запахи в малой прозе Д. Хармса, по сути, сопоставлять не с чем. Мир его рассказов практически лишен запахов-ориентиров. Запахи, являющиеся в русском языке знаками, должны вызывать узнавание привычного вещного мира. У Д. Хармса они выполняют обратную функцию. Его мир источает запахи-обманы, пахнет совершенно не так, как должен. Колбаса пахнет сыром, а чудо – жжеными перьями и помойным ведром. Таким образом, Д. Хармс создает алогичный, дурной физической мир, мир-обман.

Список литературы

1. Хармс Д. *Неизданный Хармс. Полное собрание сочинений. Трактаты и статьи. Письма. Дополнения: не вошедшее в т. 1-3 / Сост., примеч. В.Н. Сажина. – СПб.: Академический проект, 2001. - 320с.*
2. Хармс Д. *Собрание сочинений: В 3 т. / Вступ. ст., подг. текста и коммент. В.Н. Сажина. - СПб.: Азбука, 2000. – Т.2.*
3. Жаккар Ж.-Ф. *Даниил Хармс и конец русского авангарда / Пер. с франц. Ф. А. Перовской; Науч. ред. В.Н. Сажин. - СПб.: Академический проект, 1995. – 472 с.*
4. Павлова Н. С. *Лексема с семой «запах» в языке, речи и тексте: Автореф. дис. ... канд. филол. Наук.- Екатеринбург: Изд-во Уральского гос. ун-та, 2006. – 18 с.*
5. Токарев Д. В. *Курс на худшее: абсурд как категория текста у Даниила Хармса и Сэмюэля Беккета. - М.: Новое лит. обозрение, 2002. – 336 с.*